

НОВАЯ ЯРКАЯ ЗВЕЗДА ДЕТЕКТИВА

**Марина
СЕРОВА**

*Криминальный
кураж*

Марина С. Серова
Вожделение за нос
Серия «Частный детектив Татьяна Иванова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=181110
Криминальный кураж: Эксмо; М.: 2002
ISBN 5-699-00302-9*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Марина Серова

Вожделение за нос

Глава 1

Выходные, проведенные за городом, подействовали на меня удивительно ободряюще и возымели такой же эффект, как и утренний контрастный душ. Весна постепенно вступала в свои права, превращая в мутные ручейки посеребрившие сугробы, притаившиеся в подворотнях. Коты предчувствовали календарное наступление марта и уже начали собираться в кружки хоровой самодеятельности, завывая на все лады. Репетиции они предпочитали проводить исключительно в утреннее время, когда население нашего скромного города досматривало последние сны. От этого кошачьи выступления казались особенно противными, приравниваясь к скрежету ножа по пустой тарелке, а пробуждение становилось гораздо менее приятным. Куда как лучше просыпаться от аромата свежесваренного кофе и румяных тостов, на которых плавится желтый дырчатый сыр. «Мечты, мечты, где ваша сладость!» Суровая реальность обычного тарасовского начала дня гораздо прозаичнее. Но и с этим можно бороться, если не лень порадовать себя, любимую.

А мне, конечно же, не лень. Обожаю устраивать себе маленькие праздники. Никто не будет любить меня так, как я сама, все вокруг жуткие эгоисты и надеяться не на кого. Поэтому не приходится ждать, когда принесут в постель дымящийся кофейник, вместо этого я встаю, ныряю в ванну или под душ и только потом мелю темные зерна арабики. Через пять минут большая кружка кофе все-таки убеждает меня в том, что жизнь прекрасна.

Можно было бы и подольше поваляться, но, к сожалению, сегодня судьба приготовила мне «дорогу дальнюю, цыганку с картами» и очередного клиента, встреча с которым была назначена еще с прошлой недели. Звонила молоденькая секретарша, вежливая, предупредительная, ни дать ни взять воспитанница пансиона благородных девиц. Очевидно, ее шеф столь занят, что не смог выкроить пяти минут, дабы самолично договориться с детективом. Сей факт говорит либо о частоте обращения к людям, занимающимся сыском и прочими щекочущими нервы профессиями, либо он действительно рассчитывает день поминутно.

Уже одетая, я еще раз просмотрела свою записную книжку. Встреча с Архиповым в половине двенадцатого и больше ничего. Пока ничего. Дальше будет видно.

Место встречи практически всегда определяется клиентом, и уже судя по нему можно строить предположения относительно самого дела. На этот раз мне предстояло посетить «Камелот». Тишина, комфорт, великолепная кухня, изысканная великосветская публика и, следовательно, соответствующие цены – вот что я помнила об этом милом ресторанчике. Частым посетителем сего заведения я не являлась, хотя пару раз бывать там приходилось.

Кажется, мы были в «Камелоте» с моей подругой Ленкой-француженкой после какой-то премьеры в канун Нового года. Впечатление от ресторана осталось крайне приятное – чудесная музыка, уютный полумрак и редкостно вкусный кофе, что мы обе оценили. Да, все мне здесь понравилось, только парковаться в районе проспекта Кирова всегда большая проблема. Но, видимо, сегодня был необыкновенно счастливый понедельник – мне повезло и практически все парковочные места оказались свободными.

Предупредительный метрдотель указал мне на заранее заказанный столик. Ожидать клиента долго не пришлось.

– Добрый день, вы – Татьяна? – обратился ко мне высокий представительный мужчина тридцати с небольшим лет. – Я – Валерий Архипов. Секретарша звонила вам и договаривалась о встрече.

Архипов производил такое же приятное впечатление, как и ресторан. У меня даже возникла забавная мысль, что они выдержаны в одном стиле. Будем надеяться, что и дело окажется интересным. Впрочем, судя по обеспокоенному виду мужчины, оплата моих «суточных» не покажется мне легким вознаграждением.

Около столика словно из воздуха материализовался официант и предложил сделать заказ. Когда принесли дымящиеся чашки кофе и круассаны, Архипов начал излагать суть дела.

– Видите ли, Татьяна, я коллекционер. Предметом моей страсти стали изделия из бронзы, которые я приобретаю практически по всему свету, благо это мне позволяют работа и средства. Но недавно произошел инцидент, очень меня огорчивший. Некоторое время назад я по совету своего друга купил у консультанта – его зовут Витольд Модестович Гробовский – две статуэтки. Вернее, не купил, а мы договорились о сделке, которую собирались оформить здесь, в Тарасове. Но это все равно что купил. В кругу антикваров так – если ты о чем-то договорился, то отказаться от своих слов...

– Не принято по вашему «кодексу чести»... – закончила я его фразу.

– Да, именно, – улыбнулся он, обрадовавшись моему пониманию. – Две недели назад покупка была официально зарегистрирована, и я получил обе статуэтки. Но Витольд Модестович, мой консультант, попросил у меня одну из фигурок на несколько дней, чтобы отснять для очередного каталога. Такое не редкость, поэтому я не насторожился, но, как теперь кажется, совершенно напрасно.

– В чем суть? – решила перебить клиента я. Такое действительно часто приходится делать, поскольку когда рассказчик осыпает вас излишним количеством подробностей или просто занятыми фактами биографии, теряешь не только драгоценное время, но и саму суть.

– Пропал антиквар. И что меня особенно беспокоит – пропал вместе со статуэткой...

– Так что требуется от меня? – спросила я и полезла в сумочку за записной книжкой и ручкой.

Архипов отхлебнул кофе, посмотрел на меня, как бы оценивая мои интеллектуальные и внешние данные, в которых я сама, кстати говоря, всегда уверена. Светлые волосы и зеленые глаза еще никого и никогда не портили, да и вообще, готовясь к сегодняшней встрече, я старалась. Что же касается интеллекта и соответствия выбранной профессии, то более двух сотен раскрытых мною дел красноречиво говорили за себя.

– Найти антиквара и вернуть статуэтку, – веско сказал клиент.

– И все?

– А что, это вам кажется слишком простой задачей, или вы хотите отказаться? – отреагировал вопросом на мой вопрос Архипов. Паники в нем не было заметно, однако то волнение, которое читалось в его взгляде с первого момента встречи, проявилось значительно сильнее.

– Дело не в простоте. Я предпочитаю точно знать, что от меня требуется, прежде чем взяться за какое-либо дело.

– Хорошо, хорошо! – Архипов сделал согласный жест руками. – Тогда я готов выслушать ваши условия и могу рассказать обо всем, что поможет вам в поисках статуэтки.

– Условия таковы – двести долларов за день работы плюс возмещение расходов, возникших в ходе расследования. Если вас это устраивает, то я внимательно слушаю.

Архипов кивнул, давая понять, что согласен, попросил официанта принести еще кофе, потому как разговор предстоял не из коротких. Я раскрыла записную книжку. Валерий начал рассказывать:

– Я очень занятой человек, поэтому предпочитал, чтобы мой консультант, который и продал статуэтки, находил меня сам. Я понятия не имею, где он живет, номера его телефона у

меня тоже нет, к сожалению. Звучит это достаточно абсурдно, – его губы растянулись в невеселой улыбке, – но так у нас было заведено. Когда у него для меня что-то было, Гробовский звонил мне сам или же приезжал в офис, если я находился в пределах Тарасова. В крайнем случае, на Вольской есть «Лавка древностей», и мы там встречались. Никакой конспирации тут не подразумевалось, просто это единственное, что было нам одинаково удобно.

– Хорошо, а где и когда вы познакомились с Гробовским? – спросила я, решив сразу выяснять те факты, с помощью которых, как мне представлялось, можно будет начать поиски загадочного антиквара. Первые вопросы всегда кажутся стандартными, но от них никуда не денешься.

Архипов на секунду задумался.

– Около года назад на обычном аукционе. Тогда Витольд Модестович предложил мне картину. А потом, когда узнал, что я страстный поклонник бронзы, предложил встретиться в Тарасове и посмотреть некоторые предметы из его коллекции. Он начал консультировать меня, поскольку я почти ничего в антиквариате не понимаю и достаточно трудно ориентируюсь не только в датировке, но и ценах. Гробовский оказал мне много услуг...

Валерий посмотрел в сторону, словно старался припомнить все услуги старого антиквара, по его лицу скользнула, буквально на долю секунды, недобрая тень, вдруг сделавшая его лицо суровым. Столь резкая метаморфоза удивила меня. Значит, в этом деле гораздо больше сюрпризов, чем я могла ожидать.

– Продолжайте, – попросила я, потому как пауза излишне затянулась.

Архипов словно очнулся:

– Да, конечно, простите меня, пожалуйста. Так вот, несколько дней назад ко мне приехал друг. Он, так же как и я, занимается собиранием частной коллекции, но у него большая практика в этом. Артемий посмотрел все мои приобретения, которые я сделал у Гробовского в течение полугода, и ужаснулся. Понимаете, Татьяна, он не продал мне ни одного подлинника. Понимаете, ни одного! Все оказалось копиями, подделками. Кроме последних фигурок. Именно статуэтку Мары я и прошу вас найти.

– Интересно, – заметила я, с изумлением глядя на своего незадачливого клиента, – вы отдавали такие деньги, по сути, совершенно ни за что? Неужели никто, кроме вашего друга, этого раньше не заметил?

– Увы! Артемий – эксперт, он прошел хорошую в этом отношении школу. А я – любитель, вернее, – поклонник красоты. Гробовский, как я считал, для меня был настоящим спасением. У меня есть деньги, у него – опыт и знание рынка. Да-да, у антиквариата тоже есть рынок со своими тенденциями. Что-то особенно ценится, что-то гораздо меньше, и все имеет свойство меняться. Артемий сейчас живет во Франции, поэтому постоянно обращаться к нему я не имею возможности. К тому же он собирает свою коллекцию.

Да уж, дельце. Коллекционер-олух, антиквар, занимающийся то ли подделкой ценностей, то ли их продажей... Самое то для начала недели. Судя по всему, скучать не придется вплоть до уик-энда, а там, если все благополучно закончится, можно будет снова за город.

Пора было переходить к проработке фактов, иначе мы тут еще надолго задержимся. Судя по всему, мой клиент такой же словоохотливый рассказчик, как и древнегреческий Гомер.

– Валерий, как по-вашему, Гробовский – это настоящая фамилия?

– Да, несомненно. Я не раз видел документы, когда оформлялась сделка. Да и в лавке его по имени-отчеству всегда называли.

– Хорошо. А как выяснилось, что статуэтка, которая находится у вас, подлинник?

– Артемий Стрелецкий как эксперт известен не только у нас, но и за рубежом. В его словах я уверен.

– Замечательно. Значит, при случае, если ваш друг будет еще в Тарасове, можно надеяться на его консультацию.

– Да-да, конечно, гостит он у меня всегда недели по две, если вы уложите с поисками в это время, то, несомненно, он поможет и сделает все, что в его силах. Единственная проблема – моя занятость. Относительно финансов не беспокойтесь. Самое главное сейчас – разыскать Гробовского и вернуть статуэтку, потому как она представляет огромную ценность не только для меня. Честно говоря, я опасаясь, что ее вывезут за границу, потом вернуть ее будет просто невозможно. А через несколько дней в Москве пройдет аукцион, и если Витольд Модестович решит перепродать ее там...

Он мог и не договаривать. И так все понятно.

– Тогда предлагаю не терять времени. Мне нужны все телефоны и адреса, по которым в случае необходимости я смогу вас найти. Кроме того, адрес лавки или координаты тех людей, которые имели какие-то отношения с Гробовским.

Валерий достал визитную карточку, потом вынул из нагрудного кармана «Паркер» и необычно аккуратным для мужчины почерком написал домашний и рабочий адреса.

– Одно маленькое «но». Я не посвящал свою супругу в дела коллекционирования. Она, знаете ли, принадлежит к тому сорту людей, которым очень тяжело расставаться с деньгами. Боюсь, она просто не переживет, когда узнает, что вся наша домашняя коллекция всего-навсего собрание подделок.

Я заверила клиента в том, что если мне и придется общаться с его супругой, я не затрону нежелательной темы.

Архипов попросил счет и расплатился кредиткой. Впрочем, другого я и не ожидала. Пообещав позвонить, как только получу первые результаты, я села в машину. Припарковалась я удачно, а вот сейчас выехать оказалось практически невозможно. Говорят, что не бывает безвыходных ситуаций, а вот у меня случилась безвыездная. Что же делать – придется идти пешком или ждать, пока идиот, загородивший мне выезд бежевой «Ауди», соизволит отъехать. Передвигаться пешком совершенно не хотелось – сказывалась привычка к «колесам». Поэтому я не придумала ничего лучше, как следует пнуть иномарку, чтобы сработала сигнализация.

Из бутика, находившегося на противоположной стороне улицы, вылетела совершенно дико наряженная девица и, еще не перейдя улицу, начала вопить. Я не осталась в долгу и высказала ей все, что думала о ее водительских и прочих способностях, нисколько не стесняясь в выражениях. Наконец я обрела свободу движения и направилась в «Лавку древностей».

На пути попадались только «красные» светофоры. Такие редкостно омерзительные события в начале дня могли испортить настроение на всю неделю, однако, когда я увидела вывеску лавки, все неприятности отошли на второй план. Она действительно поражала – большая, изумительно выполненная чеканка, закрепленная на массивном, потемневшем от времени деревянном щите, красовалась над дубовой кованой дверью.

«Да уж, – подумала я, – если такое снаружи, что же ожидает посетителя внутри?»

Несмотря на то что дверь была тяжелой, открылась она на удивление легко, мне практически не пришлось прикладывать усилий. Тихонько зазвенел колокольчик, оповестивший владельца о прибытии очередного клиента. Я еще не успела осмотреться, как передо мной возник импозантный мужчина в темно-синем сюртуке и пенсне.

Сей господин как нельзя более соответствовал обстановке и духу «Лавке древностей». Темные стены практически не обращали на себя внимание, глаза все время блуждали по старинным предметам интерьера, цена которых отражала не только материал и именитость мастера, но и историческую эпоху.

Кресла, буфеты, секретер, лампы и торшеры настолько разнились между собой, что казалось, в одном месте пересеклись времена и страны. Запах пыли веков и дерева, впитавшего в себя ароматы старинных благовоний, делал воздух в лавке густым и каким-то таинственным. Я зацепилась взглядом за глубокое кресло, отделанное черным бархатом, отчего оно казалось практически бездонным. Наверняка стоило оно безумных денег. Моя богатая фантазия тут же дорисовала обстановку комнаты, где оно могло бы стоять.

– Нравится? – спросил меня хозяин лавки, обладающий весьма приятным голосом. – Одобряю ваш выбор. У кресла редкостная история. К его достоинствам можно добавить и следующее: несмотря на то что это XVIII век, оно не подвергалось реставрации. Это само по себе большая редкость. Думаю, обладать подобным экспонатом, достойным любого музея, радость для каждого коллекционера, особенно если он настоящий знаток. А то ведь знаете как бывает, есть у человека деньги, вот он и скупает все подряд... Даже не задумывается о том, какой вещью ему выпало счастье обладать.

Сетование антиквара вызвало во мне такую гамму почти забытых чувств, что я даже несколько смутилась, хотя подобные эмоции мне не слишком свойственны. Однако, вернув себе самообладание, я постаралась перевести разговор на интересующую меня тему. Впрочем, слова хозяина лавки навели на хорошую мысль: представиться коллекционером очень недурная идея, все лучше, чем стандартное – частный детектив Татьяна Иванова. Почему-то люди, собирающие старинные безделушки, терпеть не могут моих коллег. И, как мне кажется, совершенно напрасно. Будь наоборот, возможно, их жизнь стала бы намного проще.

– Кресло на самом деле великолепное, но я интересуюсь бронзой. Собственно, это меня к вам и привело. Гробовский Витольд Модестович – один из известнейших специалистов в этой области, его мне недавно порекомендовали и посоветовали найти через вашу лавку.

– Вот как? – Хозяин пожал плечами. Казалось, я разочаровала его. – Он сюда часто приходит, но в последнее время что-то пропал. А что, у вас есть договоренность с ним?

Нужно во что бы то ни стало уклониться от прямого ответа – мало ли какие отношения между ними? Я провела рукой по бархатной поверхности обивки кресла, стараясь отвлечь внимание антиквара.

– Нет, мне нужна его консультация и совет относительно... реставрации, – соврала я. – Кроме того, мне хотелось бы пообщаться с ним до аукциона, если это, конечно, окажется возможным. К сожалению, у меня нет его адреса, и если честно, – тут я обворожительно улыбнулась, – я надеялась, что вы мне поможете.

Мужчина еще раз оглядел меня с головы до ног. Я не волновалась – время на то, чтобы привести себя в идеальный порядок, у меня было, а добротный классический костюм вполне соответствовал имиджу преуспевающей девушки, увлеченной коллекционированием дорогих вещей.

– Тогда вам, очевидно, лучше нанести ему визит. Гробовский занят работой, а когда работа занимает его, Витольд Модестович редко отвечает на звонки. Я запишу вам его адрес, – любезно улыбнулся мне хозяин лавки. – Но если в вас проснется интерес к чему-то еще, кроме бронзы, я мог бы предложить вам серебро. Недавно у меня появился изумительный кофейный набор с уникальной гравировкой, конец XIX века. Состояние предметов великолепное. Я просто уверен в том, что вы его непременно оцените. По-другому и быть не может. Если Гробовский ничего достойного не сможет предложить, не сомневайтесь, приходите, и без приобретения вы не уйдете. Поверьте, кроме бронзы, существует очень много интересных вещей. Нужно только уметь оценить их...

– А чем сейчас занимается Гробовский? – как бы невзначай поинтересовалась я, рассматривая лампу под темно-красным абажуром, стоявшую у так понравившегося мне кресла. Уходить совершенно не хотелось, обстановка безвременья незаметно поглотила желание действовать, я почти забыла о своей профессии частного детектива. А волка, как

известно, ноги кормят, следовательно, мне нужно стряхнуть ощущение блаженства и нанести визит консультанту, нечистому на руку. Вот об этом ни в коем случае не стоит забывать. Надо поскорее выходить на улицу, в век двадцать первый, иначе изысканные предметы старых замков и домов с привидениями лишат меня остатков аналитического мышления.

– По-моему, он получил заказ на реставрацию... А почему вы интересуетесь?

Я удивленно вскинула брови:

– Интересуюсь? Вовсе нет, просто спросила, – рассеянно ответила я, стараясь равнодушным видом убедить в своей правдивости хозяина лавки. Кажется, бог действительно наградил меня среди прочих талантов и даром актрисы. Так что больших затруднений не возникло. – Пожалуй, я действительно найду еще к вам... Коллекция собрана просто потрясающая. Только, наверное, выбирать и присматриваться буду долго.

– Это ничего, заходите, клиентам мы рады всегда. Зовут меня Орест Николаевич. Если меня вдруг не застанете, вам все равно помогут, люди тут работают знающие.

Я поблагодарила Ореста Николаевича и вышла из царства старины. Прозаическая реальность резко контрастировала с теми вещами, что буквально минуту назад окружали меня. Однако время не ждет, а я только выяснила адрес Гробовского. Я села в машину и поехала на Набережную, где обитал таинственно пропавший антиквар. Судя по улице и номеру, его дом находился буквально у моста на Музейной или Славянской площади. Чтобы добраться туда, уйдет не больше двадцати минут, решила я и не ошиблась.

Оставив свою «девятку» у подъезда, где уже ждали своих хозяев несколько иномарок, я осмотрела двор, пытаюсь сориентироваться. Профессиональная привычка вычислять окна искомой квартиры не раз помогала мне. Дом был старой, скорее всего, довоенной постройки. Высокие окна и потемневшие кирпичные стены оказывали гнетущее впечатление. С крыши свисали сосульки, только вода бежала с них не веселой каплей, а монотонно падала, словно в пытках, описанных Вальтером Скоттом.

Кодовый замок на старых дверях выглядел несколько нелепо, однако говорил о том, что в этом доме живут состоятельные люди, готовые платить за свое спокойствие. Наличие еще и домофона подтверждало мое предположение относительно уровня благосостояния жильцов. Дворничиха невдалеке вяло собирала мусор в кучу, не обращая на меня ровным счетом никакого внимания. «Пятиэтажный дом, по две квартиры на площадке, с учетом магазина, который занимает первый этаж, значит, интересующая меня особа проживает во втором подъезде», – прикидывала я.

Жаль, что хозяин лавки не дал мне заодно и номер кода. Не думаю, что это сильно осложнит дело, но вот времени отнимет чуть больше.

– Добрый день, – обратилась я к равнодушной представительнице коммунальных служб, – мне нужно во второй подъезд к Гробовским, а номер кода, к сожалению, не помню. Вы не можете мне помочь?

– Отчего же. Девятьсот пятьдесят два, – сказала она, даже не подумав выспросить, зачем я туда направляюсь, как это свойственно обычным старушенциям. Флегматичность бабки удивила меня, может быть, она еще пригодится мне. В практике частного детектива бывает все.

Подъезд был удивительно чистым. То ли дети, проживающие в нем, понятия не имели, что на стенах можно рисовать, то ли детей в этом подъезде не наблюдалось вовсе. Мраморные ступени хоть и не сверкали, но свидетельствовали о том, что их регулярно моют. Все почтовые ящики закрыты на маленькие висячие замки и ни одного сломанного. Чудеса да и только! Не ожидала, что в Тарасове есть такие дома.

Я поднялась на третий этаж и остановилась перед деревянной дверью. Она выглядела столь надежно, что возникало ощущение таящейся за ней крепости. Но больше всего меня поразило настоящее смотровое оконце. Не глазок, какой обычно бывает на стандартных две-

рях, а именно оконце. От такого не спрячешься, его не закроешь ладонью. Все говорило, что в этой квартире живет человек не только принадлежащий к редкой профессии реставратора и антиквара, но и весьма практичный.

Нажав на кнопку звонка, я ожидала услышать трезвон в квартире, но звукоизоляция здесь оказалась тоже превосходного качества. Не успела я додумать эту мысль до конца, как оконце распахнулось и в нем появилось приятное женское лицо. Но, как ни старалась, дама не смогла скрыть признаки беспокойства. Работа частного детектива – это не только поиск и сопоставление улик и мотивов, но практическая психология. Зачастую эмоциональное состояние человека говорит мне гораздо больше и, главное, правдивее, чем он сам.

– Что вы хотели?

– Здравствуйте, мне нужен Витольд Модестович Гробовский.

Окошко закрылось, и взволнованное лицо исчезло, чтобы буквально через несколько секунд возникнуть в распахнутой двери.

– Проходите, пожалуйста, только вам придется подождать – супруг принимает ванну...

Я практически не слышала слов этой женщины, потому что глазам моим открылось нечто необыкновенное. А ведь я даже представить себе не могла, чтобы чей-то интерьер мог меня так поразить. Но то, что предстало перед моим изумленным взором, надолго запомнилось бы любому.

Вопреки всем стандартам, в квартире не было прихожей, из которой обычно двери ведут в остальные комнаты. Простор прекрасного холла подчеркивали зеленые стены, затянутые тонким арабским шелком с тонким витиеватым рисунком, искусно выполненным позолотой. Лепнина по периметру потолка делала комнату элегантнее и придала ей вид столь редкой салонности. Здесь не было ничего лишнего. Светлый паркет, должно быть, из ореха, гармонировал с мебелью – высоким шкафом, комодом и приставным столиком на высоких ножках. В дальнем углу комнаты стояло плетеное кресло с велюровой подушкой на сиденье. Напольные вазы содержали сухие цветочные композиции.

Почему-то мне подумалось, что вряд ли здесь поработал дизайнер, скорее чувствовалась рука человека с превосходным вкусом, умеющего безошибочно подбирать вещи. Мне стало любопытно, кто же занимается домом – сам Гробовский или его супруга? Второй вариант казался предпочтительнее, потому как, по-моему, сложно совмещать требующую большого количества времени реставрацию антиквариата и поддержание порядка в такой квартире.

– Вы позволите? – хозяйка дома учтиво протянула руку за моим пальто. – Меня зовут Элеонора Наумовна. У мужа бывает много посетителей, но, мне кажется, с вами мы еще не знакомы.

Я отдала плащ, совершенно о нем не думая, потому как не могла оторвать восхищенных взоров от мебели. Очевидно, моя рассеянность позабавила хозяйку, заметившую мой блуждающий по холлу взгляд.

– Муж очень ценит хорошую мебель, – отреагировала на мой интерес Гробовская. – Он считает, на красоте неразумно экономить. К тому же все это не только красиво, но и удобно. И есть возможность прикоснуться к искусству. Ведь в старину не было такого, как сейчас, – куда ни придешь, везде одно и то же. Вещи изготавливались чуть ли не в одном экземпляре.

Хозяйка жестом показала мне на уютную гостиную, войдя в которую я не смогла не проникнуться настроением Востока.

Наступила моя очередь представиться. Затягивание с этим дальше могло быть расценено только как отсутствие у меня хороших манер.

– Татьяна Иванова, – сказала я, все еще поглощенная рассматриванием.

Ценников, как в «Лавке древностей», естественно, нигде не наблюдалось, и все же не спасало Гробовских – я автоматически начала прикидывать стоимость обстановки. Инте-

ресно, это все куплено на деньги, полученные Гробовским за продажу копий в качестве раритетов? Привычка видеть не столько приятные стороны жизни, скорее наоборот, не покидала меня.

– Судя по всему, ваш супруг поклонник не только раритетной мебели, – с некоторой иронией заметила я, показывая на китайский фарфор наверняка не нашего и даже не прошлого столетия, выставленный в резной горке.

– Семнадцатый век, одна из последних династий. Я вижу, вы знаток, но сама не разбираюсь во всем этом. Редкости – исключительно пристрастие мужа. Он скоро должен выйти.

Судя по отсутствию звука льющейся воды, квартира была больше, чем я предполагала. По коридору просматривалась еще одна комната. По царившему там полумраку я решила, что это спальня. Дверь, около которой я опустилась в кресло, вела, видимо, в кабинет. Оттуда чувствовался легкий, но все же ощутимый запах краски и лака. Однако мое любопытство не могло быть удовлетворено до тех пор, пока хозяин не закончит принимать ванну. Оставалось надеяться, что он не большой поклонник водных процедур, иначе неизвестно, сколько времени мне придется провести в этом филиале «Лавки древностей».

Я и не думала скрывать свое нетерпение в ожидании Гробовского, и хозяйка, терзаясь относительно причины моего визита, не находила себе места. Она невпопад рассказывала о мебели, о сложной профессии супруга, пытаясь заодно узнать, какие дела связывают меня с ним. В конце концов решив, что я, так же как и он, занимаюсь коллекционированием, предложила мне последний каталог фотографий.

Минуты тянулись мучительно медленно, возникало ощущение, что стрелки напольных часов, очевидно, из красного дерева, стоявших напротив меня,склеились. Утешало то, что антиквара я сумела найти в первый же день. Если сумею с ним договориться, возможно, все пройдет без осложнений, но червячок тревоги, засевший где-то глубоко внутри, не давал покоя.

– Может быть, кофе? – любезно предложила Элеонора Наумовна. Как ярый противник растворимого продукта, я всякий раз побаивалась положительно отвечать на этот вопрос, но подумала, что в таком доме уж точно отдают предпочтение всему натуральному. Так что я попросила черный, без сливок и сахара.

– Витольд Модестович тоже предпочитает черный. Особенно после того, как приобрел кофейную мельницу из чистого серебра. Он говорит, что не стоит губить вкус и аромат напитка добавками, как бы хороши они не были.

– Полностью с ним согласна.

Гробовская удалилась. Я слышала, как по пути на кухню она постучала в дверь ванной комнаты, но ей никто не ответил, потому что она несколько раз окликнула мужа, но совершенно безрезультатно.

Вернувшись через минут пять с подносом, на котором стоял кофейник, молочник, две чашки из тонкого, чуть розоватого фарфора, хозяйка установила его на невысоком столике. От кофейника по всей комнате распространился упоительный аромат. «Да уж, – подумала я, – в таких домах не подадут что попало».

– Простите за нескромность, но что привело вас к мужу? – наконец спросила Гробовская, не выдержав неопределенности.

Решив, что скрывать ничего не стоит, я сказала о статуэтке Мары, которую поручил мне забрать мой клиент. Говорить о своей профессии, когда о ней не спрашивают, не в моих привычках, поэтому уточнение, что я «частный детектив», пропустила. Не думаю, что это сообщение как-то подняло бы женщине настроение. Я, не торопясь, достаточно осторожно, чтобы не выдать истинных причин своего появления здесь, поведала о необычайно занятом заказчике, который, к сожалению, не может выбрать времени для встречи с Витольдом Модестовичем.

– Знаю-знаю. Мара стоит у него в кабинете. Он фотографировал ее для каталога, – подтвердила объяснение, которое дал мне Архипов еще в «Камелоте», когда рассказывал, почему Гробовский попросил дать ему статуэтку. – Но поймите меня, пожалуйста, вы очень симпатичный человек, и тем не менее я не могу впустить вас в кабинет мужа. Думаю, вы подождете еще немного, пока он не выйдет. Просто его работа такова, что...

– Я все прекрасно понимаю. Сама не люблю, когда без меня кто-то распоряжается моими вещами. Кроме того, мне хотелось бы не только забрать статуэтку, но и поговорить с Витольдом Модестовичем. Разумеется, я подожду еще немного.

Тем не менее меня смущал тот факт, что хозяйка дома так легко обо всем говорит. Либо она прекрасная актриса и наш театр много потерял, не имея такой в высшей степени талантливой дамы в основной труппе, либо Элеонора Наумовна ничего не подозревает о темных делишках супруга. В любом случае Гробовская тянет и на великолепное прикрытие, и на такую же великолепную соучастницу. И все же то, что она так сильно волновалась, когда я пришла, заставляло подозревать что-то дурное.

Вот и сейчас, несмотря на вежливость и настоящую изысканность манер, женщина казалась не просто взволнованной, как это было вначале, а заметно нервничающей. Она снова извинилась передо мной за столь длительное ожидание и сказала, что еще раз пойдут поторопить мужа. Я не стала протестовать, потому что три чашки великолепного кофе зарядили меня кофеином настолько, что сидеть на месте становилось невозможно. Хотелось действий, хотелось сегодня же закончить это дело, получить свои суточные и обещанную премию за срочность выполнения.

Элеонора Наумовна появилась минуты через две в тот момент, когда я, забыв правила приличия, наливала себе еще одну чашечку кофе, не дожидаясь очередного предложения хозяйки. Я подняла на нее глаза и чуть не поперхнулась. Столь заметной и быстрой перемены в лице человека мне давно не приходилось видеть. Возникало ощущение, что женщину мучает какая-то нестерпимая боль, от которой никак не избавиться.

– Что с вами? – спросила я, понимая, что вот сейчас подтвердятся самые дурные из всех моих предположений.

– Он... он заперся в ванной... прошло уже столько времени, я стучала... Звала его, но все бесполезно. Он не открывает дверь! Что делать? Что мне делать?

– Прежде всего успокоиться. У вашего супруга здоровое сердце? – задала я самый очевидный в подобной ситуации вопрос. В нем была и практическая польза: Гробовская могла подготовиться к самому худшему, если такому суждено случиться.

Интуиция практически никогда не подводила меня. А может быть, это вовсе и не интуиция, а профессиональное чутье, помноженное на интеллектуальный коэффициент, который у меня значительно выше среднего.

– Где у вас ванная комната?

Элеонора Наумовна провела меня по коридору в сторону спальни, только налево. Аккуратная арочка была сделана специально, чтобы не акцентировать внимание на ванной и соседнем с ней туалете.

– Вот здесь, – указала на дверь Гробовская.

Теперь стал слышен шум льющейся воды. А то я уже подумала, что хозяйка только для отвода глаз сказала мне про водные процедуры супруга. На всякий случай я постучала. Мало ли что? Нехорошо начинать знакомство с человеком, врываясь к нему в ванную, даже если знаешь, что человек не очень хороший. Однако ответа не последовало: вода так и продолжала литься из крана – больше ничего.

– Я могу попробовать взломать дверь, если так открыть не получится, – сказала я Гробовской, обернувшись к ней. Других предложений на данный момент у меня не было. Придется Элеоноре Наумовне выбирать – стоять под дверью или взламывать ее.

Осматривая запор, находившийся в ручке, я вспомнила, что такой достаточно просто открыть, если чем-нибудь снять верхнюю закрывающуюся крышечку, а затем протолкнуть собачку ножом или шпилькой. Даже ломать не придется – дверь останется целой. Что же касается замка, это уже не мои проблемы.

Объяснив хозяйке, как можно открыть ванную, я попросила ее отвести меня в кухню, дабы найти там что-нибудь подходящее для предстоящей операции. Сейчас я уже была не столько частным детективом Татьяной Ивановой, а вся служба спасения в одном лице.

В одном из ящиков я обнаружила топорик для рубки мяса. Антиквариатом он не выглядел, и я решила, что не нанесу материальный ущерб семейству, если воспользуюсь им.

Расковырять защитный кружок на ручке двери оказалось минутным делом, так что Элеонора Наумовна смотрела на меня не как на коллекционера, понимающего толк в антиквариате различных эпох, а скорее как на вора-домушника, который несколько раз в сутки взламывает замки.

– Будьте так добры, нужен нож с длинным тонким лезвием, – попросила я. Замок оказался несколько сложнее, чем я ожидала. – А будет еще лучше, если вы отыщете спицу. Тогда можно будет считать, что дверь мы откроем без косметических потерь... Не считая моего сломанного ногтя, – добавила я, рассматривая испорченный маникюр, который утром был совершенно безупречным.

Покопавшись где-то в недрах антикварно обставленной квартиры, хозяйка, наконец, принесла мне то, что я просила. Просунув спицу в узкое отверстие, я надавила одновременно на нее и повернула ручку. Дверь в ванную открылась, словно по мановению волшебной палочки. Всплеснув руками, Элеонора Наумовна поспешила войти туда первой. Впрочем, лишать ее этого права я и не собиралась. Видимо, за все это время она порядком нанервничалась, решила я, уловив запах валерианки, исходивший от нее.

Дальше произошло именно то, чего я, признаться, подсознательно ожидала. Конечно, не с первого момента, как только переступила порог этой квартиры, но достаточно давно. С рвущимся из легких криком Гробовская попятилась. Еще немного, и она бы рухнула на пол, но я вовремя подхватила ее. Всклипнув, она осела у меня в руках. Но я все-таки попыталась заглянуть в ванную, дабы воочию увидеть, что же там произошло.

Найти Витольда Модестовича живым я даже не надеялась, но вот для того, чтобы понять, отчего он умер, мне было совершенно необходимо как можно быстрее увидеть его. Вода, как правило, имеет свойство смывать многие улики.

Элеонора Наумовна была практически без чувств, поэтому я прислонила ее к стене, будто она была предметом мебели, а не живым человеком, позаботившись лишь о том, чтобы женщина не упала.

Гробовский лежал в ванне. Напора воды хватило бы для того, чтобы затопить не одну квартиру этажом ниже, если бы пробка была заткнутой. Никаких признаков насильственной смерти я не обнаружила. Возможно, все произошло иначе, заткни он сливное отверстие. Тогда через десять, максимум, пятнадцать минут примчались бы соседи. А так прошло два часа.

Ничего другого, как закрыть кран и вызвать «Скорую помощь», мне не оставалось. Но я еще раз, следуя профессиональной привычке, осмотрела ванную комнату до того, как сюда придут врачи и милиция.

Остроносые тапочки стояли на светлой плетеной циновке, короткий халат из плотного шелка висел на вешалке рядом с купальным, аккуратно сложенное полотенце – на корзине для белья. Все говорило о том, что жертва несчастного случая – или все же преднамеренного убийства – ни о чем не подозревала. Да и что могло вызвать подозрения человека, находящегося у себя дома в ванной комнате? Вроде бы ничего. Однако в моей памяти прочно сидел

образ взволнованной супруги, когда она открыла мне дверь и сообщила, что супруг в ванной. И на всякий случай я решила заглянуть в карман домашнего халата.

Чутье частного детектива не подвело меня и на этот раз. Кроме очков в тонкой оправе, я увидела крохотный осколок ампулы и поторопилась вернуться в холл, где осталась моя сумочка. Хорошо, что пластиковые пакеты для улик у меня всегда с собой, независимо от того, куда и зачем я иду.

Только я успела поместить осколок в пакет и убрать его в сумку, как на пороге появилась Элеонора Наумовна. Судя по всему, ее состояние было опасно близким к истерике, что, в принципе, не удивительно. Не каждый день приходится обнаруживать мертвого супруга в ванной.

– Что случилось? – спросила она у меня, словно только сейчас появилась в квартире.

– Не знаю, но я вызвала «Скорую», через пару минут они должны быть здесь. Будем надеяться, люди в белых халатах разберутся, что к чему, – сказала я, внимательно глядя в глаза Гробовской. Мне хотелось проникнуть в ее мозг, прочитать мысли женщины, главным образом для того, чтобы узнать, причастна ли она к смерти мужа. Наверное, это профессия накладывает отпечаток, но я практически перестала верить в смерть, наступающую естественным образом.

Гробовская тяжело вздыхала, будто бы ей не хватало воздуха. Мне снова подумалось, что либо она гениальная актриса, либо женщина очень эмоциональная.

Звонок у входной двери возвестил о прибытии «Скорой». Надо же, на этот раз она среагировала весьма оперативно, ждать почти не пришлось. Видя, что хозяйка не в том состоянии, чтобы что-то делать, я пошла открывать дверь.

На пороге стояли два медика, один из которых держал в руке черный, выдавший виды чемоданчик. На их немой вопрос я жестом показала пройти за мной и направилась в ванную комнату. Гробовский так и лежал, задрав голову вверх. Борода клинышком, которую он носил, делала его лицо еще более заострившимся. Мутные глаза Витольда Модестовича были прикрыты, и хорошо. По себе знаю – меньше всего хочется смотреть в глаза покойному, видеть взгляд умершего. Такое обычно надолго запоминается.

Пока Гробовская причитала и лила слезы, ребята быстренько извлекли тело ее мужа из ванной. Поставив предварительный диагноз – сердечный приступ, они выдали свидетельство о смерти и сообщили, что на следующий день можно будет забрать тело для последующего захоронения.

Неожиданно хлынувшие потоком воспоминания Элеоноры Наумовны о различных эпизодах из жизни усопшего супруга меня, надо признаться, ничуть не интересовали. Привычка вначале заниматься делом, а потом всем остальным никогда не отпускала меня, хотя особенной организованностью похвастать я не могу.

Пообещав вдове зайти завтра утром, когда прояснятся некоторые обстоятельства, предварительно узнав у Элеоноры Наумовны, есть ли у нее родственники, я с ней распрощалась.

* * *

Уже сидя дома, попивая горячий кофе в кресле, я раздумывала о том, что дела, начатые в понедельник, ничем хорошим не заканчиваются. Может быть, стоит объявить понедельник официальным выходным днем частного детектива Ивановой? Идея неплохая, только вот кушать хочется и в выходные дни, так что придется трудиться и сегодня.

Самая большая неприятность на данный момент была в том, чтобы позвонить Архипову и сообщить, что Гробовский скончался в то время, пока я сидела в его квартире. Но делать нечего – надо так надо. Я достала из кармана визитку клиента и набрала номер мобильного телефона. Абонент, разумеется, оказался недоступен.

Ну да ладно, еще весь вечер впереди, плохую новость я всегда успею сообщить. Гораздо лучше подождать, чтобы смягчить ее каким-нибудь хорошим известием. Если такие появятся.

Глава 2

С вечера пришлось завести будильник, и его трезвон испортил утро, которое продолжало отвратительную ночь. Вчера мне катастрофически не удавалось заснуть, несмотря на всех пересчитанных овец и прочие способы заманивания сна. Новое дело не выходило у меня из головы. В полудреме чудилось, что Гробовский убит сантехником, который купил у него газовый ключ, оказавшийся подделкой.

Встав с постели, я, как обычно, поплелась в ванную, надеясь бодрящими струями воды смыть всю негативную энергию и привести себя в рабочее состояние. После душа для полного восстановления сил просто необходимо было сварить кофе и тогда подумать над тем, что следует предпринимать далее.

Я засыпала три ложки арабики в турку, залила водой и поставила на слабый огонь. Несмотря на обилие предстоящих дел, торопиться не хотелось. Я зашла в комнату, и мой взгляд наткнулся на замшевый мешочек с магическими костями, лежавший на столе. Может быть, кто-то сочтет подобный оракул лишенным смысла, но мой опыт показывает совершенно противоположное.

Бережно вынув «косточки» из футляра, я отправилась на кухню, чтобы следить за кофе и одновременно решить свою судьбу. Кинув один за другим магические двенадцатигранники перед собой, я посмотрела на создавшуюся комбинацию: 13+30+8. Сие означало: «Внимание! Рядом неизбежное горе, и оно не заставит себя долго ждать». Что говорить, прогноз неутешительный. Но, как известно, кто предупрежден, тот вооружен.

Я выпила ароматного кофе, раздумывая, что объяснение с клиентом затягивать больше нельзя. Набирая номер, я лелеяла надежду вновь услышать такое частое «абонент недоступен». Очень уж не хотелось сообщать то, что я должна была сообщить, но...

– Слушаю, – раздался в трубке голос моего клиента.

– Валерий, здравствуйте, это Татьяна. Нужно многое обсудить. Подумайте, где удобно встретиться. Желательно сделать это как можно скорее.

– Понимаю. Через полтора часа в «Радиоли». Вас устроит? У меня как раз закончатся переговоры, и я пару часов буду свободен. Если вам хватит этого времени, то я с удовольствием посвящу его вам.

– Да, конечно. Еще было бы просто великолепно, если бы ваш друг, эксперт в области антиквариата, присоединился к нам. Мне кажется, что понадобится его помощь. Кроме того, захватите с собой бумаги, касающиеся оформления купли-продажи обеих статуэток Мары, – я старалась говорить ровным голосом, но все-таки нервно теребила телефонный провод. Все остальное предстояло сообщить во время приватной беседы.

Пообещав быть ровно в половине одиннадцатого в бистро «Радиоли», я начала собираться.

* * *

Получилось так, что мы одновременно подъехали к месту встречи, и Валерий галантно пропустил меня вперед, предварительно наградив комплиментом. Несмотря на то что времени перед встречей у меня было не так много, выглядела я, скажу прямо, идеально. Это, наверное, входит в привычку – везде и всегда выглядеть так, словно ты минуту назад покинула косметический салон. Поэтому замечание Архипова, что я выгляжу ослепительно, ничуть не удивило меня. Это мое обычное состояние. Приняв комплимент как должное, я вошла в бистро.

Тут Валерию стоило бы сделать ответный комплимент – он умеет прекрасно выбирать места для встреч, что в настоящее время для мужчины является большой редкостью. Утром в «Равиоли» практически пусто, и это нам было только на руку. Молодежь выбирает места гораздо более шумные и разрекламированные. А Архипов скорее всего руководствовался при выборе заведения исключительно собственным опытом.

– Я подумал, здесь будет вполне уютно, но не настолько, чтобы забыть о цели нашей встречи. Основная публика собирается ко второму завтраку или на ланч. Так что у нас с вами около полутора часов. Как думаете, этого хватит?

– Да, вполне, – ответила я, устраиваясь около окна. Терпеть не могу смотреть на мельтешащих официантов и оголодавших посетителей.

– Артемий будет через несколько минут. Вообще-то, не в его привычках опаздывать, но дело в том, что я буквально вытащил его из постели, поэтому надеюсь на вашу благосклонность. Тарасов он, наверное, не очень хорошо помнит, но не думаю, что заблудится.

Я улыбнулась. Архипов, наверное, с облегчением вздохнул. Мужчины, как правило, привыкли к крайне болтливым дамам, и что делать с той, которая преимущественно молчит, а если и говорит, то исключительно по делу, понятия не имеют.

– Предлагаю сделать заказ, дабы не терять время. Могу посоветовать шоколадный десерт, он здесь всегда великолепен.

Просмотрев меню, я решила, что для такого трудного дня, как сегодня, сладкое будет очень кстати. Обилие фруктов, облитых ромовым кремом и темным шоколадом, аппетитно расположились на хрустящей вафле. Капучино, судя по аромату, был превосходно приготовлен и на него не пожалели ни хорошего кофе, ни свежих сливок.

– Признаться, я не ожидал столь скорой встречи, – заметил Валерий. – Более того, первое время я сомневался, стоит ли поручать такое однозначно сложное дело с виду хрупкой и очень обаятельной девушке...

– Внешность обманчива, – добавила я ложку дегтя в его бочку с медом, то бишь в поток дифирамбов, распеваемых в мой адрес, и отправила в рот кусочек персика.

– Вы весьма оперативно работаете. Скажу откровенно: такого я не ожидал. – Валерий посмотрел на часы и шутливо добавил: – Судя по всему, Артема подадут вместе с вашим черным кофе.

Именно в этот момент раскрылись двери и в зал вошел молодой человек невероятно приятной наружности, который пробежал по залу глазами. Кроме нас с Архиповым, он смог увидеть только девицу, занятую перелистыванием глянцевого журнала, и нескольких официантов. Но, очевидно, в качестве дополнения к завтраку он предпочитал иметь более приятную компанию, чем они, поэтому и выбрал нас.

– Татьяна, позвольте представить вам Артемия Стрелецкого, моего друга и специалиста в области антиквариата.

– Доброе утро! Надеюсь, вы гораздо легче расстаетесь с подушкой, нежели я, – в качестве приветствия поинтересовался Стрелецкий, не разочаровав меня не только внешностью, но и голосом.

– Татьяна Иванова. Частный детектив, – ответила я строго и добавила, улыбнувшись: – Что же касается подушки, то мне не менее трудно с ней расстаться.

Когда Стрелецкий заказал себе завтрак, мы, наконец, смогли начать обсуждение дела. Я рассказала о том, как нашла антиквара, а также самое трудное – про его смерть. Весть о том, что статуэтка Мары находится в его кабинете, порадовала Валерия. Учитывая близящийся аукцион, я предложила клиенту вместе с его другом навестить вдову Гробовского и, показав ей все бумаги, забрать по праву принадлежащую собственность.

Проблема заключалась лишь в том, захочет ли Элеонора Наумовна сейчас разговаривать с нами или предпочтет дожидаться милиции и только после этого раздавать из дома что-

либо из вещей, с которыми работал ее супруг. Как мне показалось, она не посвящена в дела мужа.

Закончив с завтраком, мы решили, не теряя времени, нанести визит в дом Гробовского. Я прекрасно помнила его адрес – Лермонтова, 31, третий этаж, двадцать третья квартира. Мы с Архиповым приехали на своих автомобилях, Стрелецкий – на такси, и мы встали перед выбором, на чем ехать. Променять свою выдавшую виды «девятку» даже на роскошную «Вольво» Архипова мне не хотелось, поэтому я предложила воспользоваться моими услугами в качестве водителя.

Час пик прошел, и улицы не были запружены транспортом, как это обычно бывает ранним утром, поэтому до места мы добрались достаточно быстро. К тому же три светофора я, экономя время, проехала почти на красный свет, словно «не заметив».

– А дом ничего, – заметил Артем. – Моя бабушка жила в таком же, только в Кировском районе.

И снова я стояла перед дверью со смотровым оконцем, которое теперь даже не было закрыто. Такое положение вещей меня несколько насторожило – Гробовская вряд ли из тех людей, которые изменяют правилам. А открытое окошко равноценно распахнутой двери.

Нажав кнопку звонка, я стала ждать появления за стеклом заплаканных глаз хозяйки. Тут интуиция не обманула меня – лицо Элеоноры Наумовны на самом деле было опухшим из-за пролитых ночью слез. Женщина торопливо открыла нам дверь, даже не спросив о том, кто мои спутники.

– Здравствуйте, Элеонора Наумовна, – начала я, – эти мужчины вели дела с вашим мужем...

– Я помню, помню, Танечка, вы говорили. Проходите. Вы за статуэткой пришли?

Мы стояли, не зная, что ответить. Чужое горе имеет свойство не столь глубоко затрагивать, как собственное, но тем не менее вызывает в вас непонятное чувство вины и тягостное ощущение, которое остается надолго. Теперь меблировка дома не показалась какой-то особенной, хотя, безусловно, продолжала привлекать внимание. Артем и Валерий осматривались, не решаясь сделать и шага. Молчание затянулось.

– Вы заберете ее сейчас? – спросила наконец Гробовская, словно очнувшись от сна.

– Да, если это не доставит вам неудобств, – тихо ответил Архипов.

Мы прошли через холл в гостиную и остановились у двери в кабинет. Хозяйка повернула ручку двери, пропуская нас вперед. Кабинет поразил всех троих. Наверное, это было так заметно, что Элеонора Наумовна, ни к кому не обращаясь, произнесла:

– Мой муж был человеком необычным и привык везде и во всем создавать комфорт. И все же больше всего он заботился о красоте. Красота – великая сила...

Сомневаться в ее словах не приходилось. Кабинет был обставлен, пожалуй, лучше, чем вся квартира, к тому же располагался в самой большой комнате. Три стены от пола до потолка занимали стеллажи с потемневшими корешками старинных книг, картины, написанные маслом, а также исполненные в непонятной технике, произведения чеканки, множество мелочей, которые делали, казалось бы, несовместимые вещи единым целым. Лампа под зеленым абажуром напомнила мне фотографию читающего Черчилля в одном из вузовских учебников – там был очень похожий светильник. Рабочий стол с огромной столешницей был завален тюбиками с краской, иконами, камушками непонятного назначения и кистями. Возникло ощущение, что комната принадлежит художнику, только вот нигде не было видно холстов или листов с этюдами.

Три небольших стула с высокими спинками и подлокотниками больше походили на изящные кресла и стояли вокруг столика на высоких ножках. Также в комнате было несколько закрытых тумб, высокий шифоньер и две этажерки.

Пока я рассматривала комнату, взгляд Валерия не отрывался от стола. Среди всех вещей, которые были на нем разложены, я безошибочно узнала Мару – ту самую статуэтку, за поиски которой мне полагалось двести долларов в сутки.

Он подошел и взял фигурку со стола.

– Вы позволите? – обратился Архипов к вдове.

– Да, конечно. Татьяна объяснила мне, что это ваша вещь.

Стрелецкий, до сего момента никак себя не проявлявший, тоже принялся рассматривать Мару. Но, видимо, не удовольствовавшись обычным осмотром, попросил разрешения воспользоваться большой лупой Гробовского.

Он довольно долго возился со статуэткой. Вертел ее в пальцах, царапал ногтем, чуть ли на вкус не пробовал и, наконец, поставив ее на прежнее место, заключил:

– Это не Мара. Вернее, не настоящая Мара. Подделка, причем не самая удачная. Такую можно изготовить практически в домашних условиях, имея минимум подручных средств. Кроме того, материал, из которого она сделана, далеко не бронза. Так что это не та Мара, которую я видел на аукционе. Статуэтка стоит от силы шесть сотен, и то рублей.

Мы с Архиповым стояли, словно сраженные молнией. Я-то думала, что запросто разобралась с делом, за которое получу небольшие, но вполне заслуженные деньги.

– А вы уверены, что настоящая статуэтка была? – спросила я, надеясь найти хоть какую-то зацепку.

– Абсолютно уверен. Так же, как сейчас уверен в том, что вижу вас, – заверил меня Стрелецкий.

Гробовская стояла перепуганная насмерть и смотрела на нас непонимающими глазами.

– Элеонора Наумовна – заговорила я, подойдя к вдове, – понимаю, вас сейчас это совершенно не интересует, но дело в том, что статуэтка ценою в несколько тысяч долларов пропала из кабинета вашего мужа. И мне, как частному детективу, нанятому господином Архиповым, придется заняться этим делом.

– Да-да, конечно... – торопливо проговорила женщина. – Тогда, наверное, нам лучше пройти в комнату. Тут все слишком о нем напоминает...

Ничего плохого в этом не было, и мы все устроились в гостиной, приготовившись терпеливо выслушать рассказ Гробовской, сколько бы он ни продолжался.

– До того, как вы, Танечка, вчера пришли к нам, произошло много всего. И неприятного в том числе. С самого утра к Витольду Модестовичу пришел его ученик и помощник Данила, вместе с которым они занимались реставрацией и еще какими-то делами. Я в их дела никогда не вникала и старалась не мешать супругу. У нас было так заведено. Работа у мужа сложная, требующая большой сосредоточенности. Когда они работали, из кабинета пахло краской и растворителем, поэтому я уходила в кухню готовить обед, чтобы не дышать всякой гадостью. Около одиннадцати часов пришли еще двое мужчин. Один – Игорь, жених Инги, дочери супруга от первого брака. Витольд Модестович давно разошелся с матерью Инги, но добрые отношения с дочерью поддерживал всегда. Инуля к нам часто приходит, вежливая девочка. У нее и комната тут раньше была. Теперь, правда, она закрыта – Инга живет с матерью и собирается замуж.

Я по ходу рассказа Элеоноры Наумовны делала кое-какие заметки в блокноте. Это обычно помогает, когда по прошествии какого-то времени начинаешь сопоставлять записи. Но тут решила сделать перерыв, поскольку описание родственных отношений показалось мне лишним. Но вот хозяйка снова вернулась к сути:

– Второго мужчину я никогда раньше не видела. Нет, и не просите вспомнить, я точно знаю – он никогда не бывал у нас. Даже представления не имею, кто он и кем приходится мужу. Скорее всего, тоже коллекционер, клиент. К Витольду Модестовичу другие люди и не ходят. И вас, Таня, я за антиквара приняла, – рассказчица сделала паузу. – Потом все прошли

в кабинет. А Данила даже не выходил, как зашел еще утром, так и оставался в кабинете. Он прилежный, супруг никогда на него не жаловался. Я даже удивлялась – молодой, а учтивый, не спорит никогда. И приходит, как только его позовут.

– И что же дальше?

– Где-то через полчаса я подала им в кабинет чай. Почему время помню? Я пирог яблочный в плиту поставила и – звонок в дверь. Подумала: как раз гостям угощение поспеет. Пирог испекся, и я подала его к чаю.

– А чем все занимались, когда вы вошли?

– Но я ведь не приглядывалась и долго в кабинете не задержалась. Данила сидел за столом – работал. А Витольд Модестович разговаривал с Игорем и его товарищем. Я никогда при визитерах долго там не оставалась, а в этот раз тем более – мне показалось, что у мужчин случился какой-то конфликт. Когда вошла, услышала, что они говорили на повышенных тонах, а супругу никогда не было свойственно такое. Он человек тихий, спокойный, всегда выдержанный, голоса не повысит. У него сердце больное, я не позволяла ему волноваться. Но в его дела я не вмешивалась, поэтому и тут ничего другого, как уйти, мне не оставалось.

В том, что женщина говорила правду, я ни капли не сомневалась. Пока не выявилось ничего, что могло бы свидетельствовать о ее лжи. Да и мотивов не наблюдалось. Мои компаньоны сидели тихо, стараясь ничем не отвлекать хозяйку от рассказа. Я попросила ее продолжить.

– Дальше случилось то, о чем мне неловко рассказывать. Признаться, от этого я и расстроилась, поскольку не знала, что делать... – Элеонора Наумовна несколько театрально округлила глаза, демонстрируя смущение. – Так вот, через некоторое время – прошло минут пятнадцать, наверное, – Витольд Модестович вышел из кабинета очень встревоженный, раздувая ноздри и шумно дыша. Он прошел через гостиную в нашу спальню, ключом открыл один из ящиков секретера, достал шкатулку, где хранились деньги, и вместе с ней вернулся в кабинет. И, представьте, все это совершенно молча, не сказав мне ни слова, будто меня в доме нет или будто я – предмет обстановки. Не стану скрывать – я обиделась, но тогда ничего не сказала, решила с мужем поговорить потом. Вскоре после этого мужчины ушли, причем Игорь очень сухо попрощался со мной и мужем. А Витольд Модестович сильно нервничал, в таком состоянии я не видела его никогда. Он прошелся взад-вперед по комнате, затем вернулся в кабинет, и я слышала, как он просил Данилу уйти, потому что продолжать работать не в состоянии. Я не слишком утомляю вас подробностями? – поинтересовалась она. – Просто помню, что в фильмах частные детективы всегда просят вспомнить как можно больше разных подробностей.

Я сказала, чтобы Гробовская не волновалась и рассказывала так, как ей самой нравится.

– Ну а потом ничего особенного не произошло. Когда Данила ушел, муж отправился принимать душ. Буквально через несколько минут раздался звонок в дверь – это были вы, Таня.

«Так-так. Значит, подозреваемых вырисовывается трое, и, в принципе, каждый из них мог подменить статуэтку», – начала прикидывать я. Сейчас для проработки деталей место было не слишком подходящее, ну да ладно, пока займемся мелочами. Как показывает практика, именно они чаще всего наводят на верный путь.

– Может быть, кофе? – предложила Элеонора Наумовна, поразив меня гостеприимством в такой момент, когда наверняка не оправилась еще от внезапно постигшего ее горя.

– Нет, спасибо. Вы меня очень обяжете, если скажете, где и как можно найти Игоря...

– Да не знаю, как, – развела руками вдова. – Супруг ему звонил несколько раз, но у него феноменальная память, и он все запоминал наизусть, так что вряд ли записывал его номера. А вот Инге, наверное, можно позвонить. Сейчас поищу в телефонной книжке...

Пока хозяйка выходила, я решила еще раз осмотреть кабинет. Почему-то меня преследовало ощущение, будто я что-то не досмотрела, не увидела самого главного. И я, испросив на то разрешение хозяйки дома, направилась в кабинет, оставив своих спутников сидеть в гостиной.

– Таня, вот он, – быстро вернулась Гробовская и протянула мне клочок бумаги с номером.

– А что касается помощника? – спросила я, продолжая осматривать кабинет.

Гробовская сказала, что Данила имел дело с ее мужем довольно давно. Они познакомились через «Лавку древностей». Юноша окончил худграф, отделение иконописи, и Витольд Модестович взял его в ученики. К тому же мальчик оказался способным.

Ладно, и я поищу его через лавку, мне это не впервой. Теперь, похоже, через антикварный магазинчик ищут абсолютно все.

– Кстати, что показала экспертиза по поводу смерти вашего супруга? – Я задала вопрос вскользь, потому что взгляд мой привлекло что-то блеснувшее под столиком, за которым вчера пили чай Витольд Модестович и его посетители.

– Остановка сердца. Выпил много лекарства и пошел в ванную. И все...

Вздых Элеонора Наумовны был таким тяжелым, что мне показалось, она больше не выдержит и сейчас разразится рыданиями.

Я нагнулась посмотреть: ага, это та самая ампула, осколок которой я нашла вчера в кармане халата Гробовского. Вернувшись в гостиную, я достала из сумочки пакет для очередной улики, осторожно положила ампулу в него. Архипов и Стрелецкий заворуженно смотрели на все мои манипуляции. Терпеть не могу, когда за мной неотрывно наблюдают. Я начала нервничать и вследствие этого слегка порезала палец.

– А какое лекарство принимал Витольд Модестович? – спросила я, показывая ампулу.

– Странно, я не видела, чтобы он вчера принимал лекарство, – не ответив на мой вопрос, заговорила о другом Элеонора Наумовна. – Обычно супруг делал это на кухне. Я вскрывала ампулу, выливала содержимое в ложку, и он запивал водой. Понимаете, он очень боялся, что осколок попадет ему в ложку. Такое однажды было, поэтому Витольд Модестович доверял исключительно мне... Ой, Танечка, да у вас кровь, сейчас прижжем йодом. – Гробовская полезла в аптечку. Но потом вдруг застыла перед открытым ящиком.

– Что случилось? – испуганно подскочил к ней Валерий.

– Лекарство... Понимаете, в воскресенье вечером я сама спускалась на улицу за лекарством, потому что супруг принял последнюю ампулу. У нас внизу круглосуточный киоск. А сейчас я посмотрела на коробку – она запечатанная, ее никто не открывал... Но ампула-то...

Я не тяну на предсказательницу, но дело запахло убийством. Убийством антиквара. Не могу сказать, ради чего оно было совершено, возможно, из-за той же самой Мары, но то, что старый антиквар был убит, совершенно определенно. Выходит, предсказания верных и никогда меня не подводящих «косточек» сбылись в который раз.

– Элеонора Наумовна, прошу вас, сядьте. Вам, наверное, покажется диким то, что я сейчас скажу, но... Вашего мужа вчера убили.

Тишина, возникшая после этой фразы, длилась по меньшей мере целую минуту. Но она показалась мне вечностью, за которой уже ничего не последует. Тогда я снова заговорила...

– Я возьму на себя смелость предположить, почему такое могло произойти. Как один из вариантов – статуэтка Мары. Она стоит больших денег и, кроме того, является общепризнанным раритетом. Да и в остальном – у вашего мужа было много всего, из-за чего его могли убить. Поэтому, поймите, очень важно, чтобы вы сейчас вспомнили каждую мелочь.

Я снова вернулась в кабинет и продолжила его осмотр. Нашлись еще две любопытные вещицы – записная книжка и перчатка. Оба предмета лежали недалеко от рабочего стола Гробовского, упав за одну из его панелей.

– Так, а это чье? – спросила я вдову, вставая с пола и демонстрируя добычу.

– Перчатка Игоря, – ответила она сразу. – Он заходил вчера и снимал перчатки. Я хорошо это помню, и вообще он всегда так делает. А вот про записную книжку не знаю.

Обе улики последовали, так же как и осколок, в пластиковые пакеты. Люблю порядок во всем.

Больше в кабинете делать было нечего – все, что можно, я уже проверила. Оставалось разобраться с моими подозреваемыми, которых пока насчитывалось трое.

– Это все? – я внимательно посмотрела на Элеонору Наумовну. – Может быть, вы еще что-то вспомните? Постарайтесь собраться с мыслями. А мне нужно сделать несколько важных звонков, – сказала я и опустила в кресло.

Прежде всего мне нужно было связаться с давним моим милицейским другом Кирей и попросить его насчет экспертизы перчатки и ампулы. Отпечатки пальцев многое могут дать – если что-то обнаружится на этих двух предметах, раздобыть отпечатки Игоря и помощника я точно смогу. И не такое находила. А вот с третьим вчерашним посетителем будет сложнее. Вдова точно не знала, пришел ли он вместе с Игорем Самохиным или они просто случайно одновременно нанесли визит Гробовскому.

Дозвониться до Кири не составило труда: он был на своем рабочем месте и в данный момент, к счастью, плевал в потолок, поскольку время ежеквартальных отчетов прошло. «Вот и чудненько», – обрадовалась я, сразу сообразив, что проблем с экспертизой быть не должно. Договорившись забросить к Кире в отдел добытые доказательства пока неизвестно чего через пару часов, я снова принялась «пытать» хозяйку. Держалась она, несмотря на свое горе, просто молодцом. Все-таки старая закалка многое значит.

– Возможно, я покажусь вам излишне настойчивой, но мне необходимо знать обо всех, кто посещал ваш дом вчера, позавчера, два дня назад...

– Только Данила приходил. Больше никого не было. Не то чтобы мы негостеприимны, просто супруг любил свою работу и большую часть времени уделял ей. К тому же предстоял аукцион, для которого он выполнял одну икону. Он даже на телефонные звонки не отвечал и не ходил в антикварную лавку... – Элеонора Наумовна разгладила руками подол черного батистового платья и вздохнула. – Танечка, я рада оказать вам любую посильную помощь, но поверьте, никто в эти дни действительно не приходил... Только вот из лавки присылали сегодня курьера.

– Какого курьера? – чуть не подпрыгнула я. Дело начало принимать новые обороты. В мозгу словно вспыхнула яркая лампочка, отличающая практикующих детективов от нормальных людей, которые живут обычной жизнью.

– Не знаю, кто он такой, просто принес краски из «Лавки древностей». Да-да, сразу после того, как ушел Данила, в дверь позвонил Гоша.

– Подождите, подождите, с самого начала, пожалуйста. Кто пришел сегодня утром, во сколько и что за это время успел натворить?

– С самого утра пришел Данила, как договорился с Виктором Модестовичем. Я ему сообщила о смерти мужа. Расстроился юноша сильно. Даже глаза покраснели, чуть не заплакался. Мы с ним поговорили, повспоминали, я чаю согрела...

– А где в это время был он? – совершенно не стесняясь, перебила я Гробовскую. Иногда это нужно, чтобы не потерять сути.

– Как где? – растерялась она. – Тут где-то.

– А в кабинет вашего мужа он мог войти?

– Не знаю.

Вот уж простая душа. Я начинала выходить из себя. Несмотря на все сочувствие и жалость, вдова постепенно вводила меня в состояние бешенства. Скорее всего, именно по ее

вине сейчас в кабинете Гробовского стояла не Мара, а всего-навсего копия, которую Артем так легко вычислил.

– Разбираемся дальше. У него была с собой какая-нибудь кладь? Ну, сумка или коробка.

– Он всегда с рюкзаком ходит. Большим, черным. А вот вчера еще и сверток приносил.

– Долго он сегодня у вас был? – Я пыталась представить временную картину.

– Может быть, около получаса. Потом собрался, сказал, что дел много, принес соборное лезвие. Я еще чай со стола не успела убрать – звонок в дверь. На пороге – Гоша, курьер. Он к нам уже несколько раз приходил, всегда приносил что-то: работу или краски. Знаете, супруг пользовался очень редкими красками, их Данила из Берлина привозил еще... Так вот, Гоша тоже не знал, что мужа больше нет... – Слезинка скатилась по ее лицу, оставив мокрую дорожку на щеке. Только сейчас, казалось, она начинала понимать всю чудовищность своей утраты. Несмотря на то что я знала о Гробовском, его вдову было искренне жаль. – Я сказала, что вчера Витольда Модестовича увезли – случился сердечный приступ. Он пожалел... о безвременной кончине... – Ей все труднее становилось подбирать слова, я понимала – пора заканчивать. – В этот момент позвонили. Я пошла поднять трубку – спрашивали из антикварной лавки, не приносил ли курьер краски. Мне снова пришлось все рассказывать. Потом Гоша попрощался и ушел. Больше мне сказать нечего. Инга звонила еще вчера, для нее это тоже горе. Может быть, даже большее, чем для меня.

– Спасибо за рассказ, Элеонора Наумовна. Простите, что побеспокоили вас в такое время. Но мне кажется, если вашего мужа убили, вы рано или поздно захотите узнать, кто это сделал. У меня есть подозрения. Когда что-то более или менее прояснится и как только вам будет угодно, я ими поделюсь.

Сопровождающие меня мужчины также поднялись и попрощались с хозяйкой. Почему-то я сразу почувствовала себя гораздо легче, когда мы покинули этот дом. Пышная красота, так не вяжущаяся с внезапным горем теперь уже одинокой женщины, создавала столь тягостное впечатление. Хотелось встать под душ и смыть его с себя мыльной губкой.

– А вы весьма оперативны, Татьяна, – пристально глядя на меня, заметил Стрелецкий. – Пожалуй, при необходимости я непременно воспользуюсь вашими услугами.

– Да ради бога, – откликнулась я с готовностью, – двести долларов в сутки, и я возьмусь практически за любое дело. Сейчас я могу вас подбросить до центра. А мне нужно кое-что сделать во Фрунзенском районе. Информировать вас, Валерий, я буду так же – по телефону. Номер моего сотового у вас тоже есть. Так что решайте.

– Я на самом деле не ожидал, что женщина-детектив за такое короткое время успеет сделать так много, – продолжил меня расхваливать Архипов.

Я сама об этом прекрасно знаю, поэтому подобными заявлениями меня не удивишь.

– Это уже пахнет дискриминацией по отношению к женщинам, занимающимся частным сыском... – заявила я без тени смущения, а потом обратилась к Стрелецкому: – Еще один вопрос. Поскольку я не знаток антиквариата, то предпочитаю расспрашивать обо всем, чего не знаю.

– Спрашивайте все, что вам угодно, – кивнул головой Артем.

– А есть ли смысл подменять статуэтку? Допустим, Валерий получил бы назад поддельную Мару. Но кто купит одну, даже подлинную, если фигурки парные?

– Да кто угодно, – ответил сам Архипов. – Хотя я не профи, но уж в этом разбираюсь. Бронза сейчас очень ценится, даже новички-коллекционеры пытаются приобрести хотя бы по одному, по два предмета.

– Возможен и второй вариант, – дополнил Артем. – Если одна подлинная статуэтка есть, по ней можно изготовить хорошую копию, поскольку они абсолютно идентичны. А дальше можно продавать.

Все неясности на этот момент были разрешены.

* * *

В конце концов я поехала к Кире. Он уже ждал меня, помешивая ложечкой сахар в стакане холодного чая.

– Ну как? – задал он вопрос, совершенно ничего не обозначающий, и предложил мне стул напротив. Потом достал второй прозрачный стакан, упаковал его в подстаканник, сразу напомнивший мне поезд дальнего следования, налил в него мутноватой жидкости, все так же молча и сосредоточенно на меня глядя. Придвинул чай мне.

Откинувшись на спинку стула, я подумала о том, как хорошо, что когда-то я набралась смелости и покинула стены прокуратуры, где некоторое время работала. И почему наши доблестные правоохранительные органы всегда пьют, когда не пьют что-нибудь покрепче, такую вот бурду, называя ее чаем?

– И это ты называешь чаем? – спросила я, отхлебнув предложенного напитка.

– А чем не чай? Ты, вообще, сюда за чем пришла?

Я поняла – подполковник милиции Владимир Кирьянов не в духе. Но старым друзьям можно простить абсолютно все, а о таких мелочах, как чай, по вкусу больше напоминающий запаренную солому, и говорить нечего.

– Нужно кое-что быстренько проверить. – Я извлекла добытые улики из сумочки. – Все, что только можно снять с этих вот вещей.

Киря недовольно поморщил нос:

– Ладно, как только смогу, так отправлю. Результаты не раньше вечера. Можешь даже не уговаривать, по-другому не получится.

* * *

Такой расклад меня вполне устраивал. Пусть результаты будут к вечеру, пока я могу заняться другими, не менее важными делами.

Сейчас мой повышенный интерес вызывали два персонажа – Игорь, жених дочери Гробовского, и курьер. Хоть Элеонора Наумовна и не сумела сказать точно, заходил ли курьер в кабинет ее мужа, я сделала предположение, что вполне мог.

Где его разыскивать, неизвестно, но, наверное, стоит нанести очередной визит в «Лавку древностей» и посмотреть на всю историю с другой стороны. Сумки, как выяснилось, были у всех, кто приходил к Витольду Модестовичу. При Самохине был дипломат, неизвестный явился со свертком и в длинном плаще, так что при желании спрятать статуэтку Мары ему тоже не составило бы большого труда.

Признаться, меня этот тип сильно смущал, потому как о нем ничего конкретного я не знала. Но делать нечего, не стоит придумывать недостающие звенья цепи, гораздо полезнее проработать тот материал, который уже имеется.

Сегодня я весь день кручусь по центру. Только в середине дня пробки достают ужасно, но хоть дороги сносные, не то что в Елшанке. Снова припарковавшись у «Лавки древностей», я нажала кнопку автосигнализации и открыла тяжелую дверь магазина.

Орест Николаевич, словно не веря своим глазам, уставился на меня сквозь пенсне. То ли он не мог себе представить, что один и тот же человек способен посещать его лавку столь часто, то ли принял меня за эффект «дежа вю». Оба варианта показались мне забавными, и, широко улыбнувшись, я поинтересовалась:

– Простите, пожалуйста, боюсь показаться навязчивой, но тем не менее не подскажете ли вы мне, где можно найти Данилу, помощника Гробовского.

– Если это вам действительно необходимо... Хотя я представить не могу, зачем именно...

Я перебила антиквара, готового пуститься в пространные размышления о том, чего ради я разыскиваю всяких помощников. Может быть, и к сожалению, но меня воспитывали не в пансионе благородных девиц, а посему я делаю так, как считаю нужным и обычно никогда не ошибаюсь в своих действиях.

– Это действительно необходимо, и, может быть, даже вы впоследствии окажетесь не менее заинтересованным лицом, – твердо сказала я.

– А вы умеете интриговать, должен вам заметить... Минуту, я посмотрю в записях. По-моему, он снимает квартиру где-то в районе моста, не так далеко от Гробовского.

Я машинально опустила в то самое черное кресло, которое так привлекло мое внимание, когда я впервые появилась в этом скопище старых вещей, хранящих пыль веков и наверняка какие-нибудь кровавые тайны.

– Вот адрес, – протянул антиктвар фирменный бланк лавки, выполненный на дорогой голубой бумаге с серебряным тиснением по краю. – А вы, я вижу, не смогли удержаться, чтобы не сесть в это кресло... Оно так вам подходит! Поверьте, я не лукавлю, это на самом деле так. Словно бы вещь обрела хозяина после долгой разлуки. Я вижу, что вы обладаете достаточной суммой денег, чтобы приобрести его. Но даже если бы у вас не нашлось ее сразу, я готов изменить всем правилам и отдать его вам в рассрочку.

– Своим правилам и привычкам никогда не стоит изменять, – ответила я, без сожаления покидая кресло и забирая протянутый мне листок.

* * *

Ехать на самом деле предстояло недалеко – Данила Клементов снимал квартиру на Соколовой. Район достаточно престижный, значит, того заработка, который парень имел, числясь учеником Гробовского, хватало не только на еду, одежду, развлечения и прочие нужды молодежи, но и на то, чтобы не жить вместе с ближайшими родственниками.

«Да, это, конечно, не дом Гробовских, но вполне приличное жилье», – подумала я, поднимаясь по лестнице, – подъезд оказался достаточно чистым.

Позвонив в дверь, я даже не надеялась увидеть перед собой искомую личность – это было бы слишком просто. А может, я слишком уверовала в то, что виновен Самохин? К шестому чувству никакого отношения сие не имело.

– Здравствуйте, мне нужно увидеться с Данилой, – объяснила я старушке, смотрящей на меня сквозь стекла очков. На вид ей было за семьдесят, но накрашенные розовой помадой губы и подведенные веки сбрасывали с ее возраста чуть ли не с десятков лет.

– Проходите, – сказала она, пошире открывая дверь. – Только его сейчас нет. А вы кто ему будете?

– Знакомая, – стандартно ответила я, надеясь, что больше вопросов не последует. Однако, как оказалось, я чудовищно заблуждалась – такой бедной старушенции впору самой заниматься частным сыском.

– Много таких знакомых ходит, и вчера вот была... Знакомая. У нее ножки, как у беременной кошки, и все туда же! – Старушка залилась высоким чистым смехом так, что я и сама едва сдержалась. – А ты подожди его. Он придет скоро, а мы пока в картишки перекинемся. В подкидного. Я ух как играю, потому что хорошие люди никогда не проигрывают. Нина Сергеевна меня зовут.

Да, хороший человек Нина Сергеевна, только чересчур болтливый. От такой бабульки непросто уйти, и ее совершенно не волнует, что для меня время – деньги. Ладненько, раз уж малой кровью от нее не отделаться, придется с подробностями, временами теряя терпе-

ние, рассказывать о серьезности моих намерений. Сейчас, дабы перевести почти дружескую беседу с карточной темы на интересующую меня, я показала ей фотографию Мары и спросила, не видела ли она такую статуэтку у Данилы.

Не факт, что получу какую-нибудь стоящую информацию, но чем черт не шутит.

– Конечно, видела. – Старушка внимательно смотрела на меня, дабы не прозевать эффект, который произведет ее сообщение. Как полагается завзятой интриганке, она выдержала паузу и, сощутив светлые глазки, с интонацией декламатора продолжала: – Я заходила к нему в комнату после того, как закончился хоккейный матч, играли наши белорусы и канадцы, так вот наших засудили...

Я подумала, что сейчас стукну ее чем-нибудь. Квартирной хозяйке Данилы совершенно очевидно не хватало общения, а посему она тянула время изо всех сил, тщетно подыскивая повод, чтобы задержать меня подольше.

– Я про статуэтку спрашивала, – тоном, не терпящим возражений, перебила я.

– Да, говорю, была статуэтка. Только точно не помню, наверное, где-то валялась она у него. Данила всегда всякий хлам домой тащит, как ни ругайся на него. Но я, вообще, незлобивая, не люблю квартирантов ограничивать. Только что это за работа для молодого парня, не пойму! Ужас просто. Вот я в его годы...

То, что Даниле далеко до своей квартирной хозяйки, я поняла сразу, а касаясь матча... Он был неделю назад, это я прекрасно помнила, Кирия тогда еще возмущенно кричал в трубку, что судью пора сдавать на мыловаренный завод. Я с ним заочно согласилась, решив не портить отношения с давним другом из-за какого-то судьи.

– ...И как раз тогда видела эту статуэтку. Вы знаете, я сама очень люблю такие вещи, у меня в комнате стоят потрясающей красоты кувшины и еще старинные амфоры. Видели такие, наверное?

– Знаю, видела. Нина Сергеевна, а когда Данилу можно застать дома?

– А вы что, уже уходите? Жалко как... Ну, приходите вечером, кто знает, вдруг встретитесь? Правда, он иногда во всякие бары ходит с девицей одной, она все волосы в красный красит, улыбчивая, веселенькая такая. Нравится мне она, только вот ножки...

Про конечности, как у беременной кошки, я уже слышала и поэтому слегка нажала на Нину Сергеевну, решив все-таки выяснить, когда можно встретиться с помощником Гробовского.

В итоге выяснилось, что днем никого обычно не бывает дома – Данилу где-то носит с гипотетически красноволосой девицей, а хозяйка торгует мороженым и пельменями на проспекте около магазина «Все для дома».

Я торопливо, насколько это возможно в понимании Нины Сергеевны, попрощалась и ушла. На разговор с квартирной хозяйкой у меня ушло не менее часа. «Да уж... – подумала я, – если расследование будет продвигаться такими темпами, то премию я точно не увижу.»

Сев в машину, я включила первую передачу и выкатила со двора на улицу. Беспрепятственный поток машин не давал отвлечься от дороги и заняться обдумыванием дела. Я внезапно ощутила усталость. Хотелось сесть с большой кружкой кофе и тостом, щедро намазанным желтым маслом. Почему-то вспомнилось стихотворение Маршака: «Три очень милых феечки уселись на скамеечке и, съев по булке с маслом, успели так измазаться, что мыли этих феечек из трех садовых леечек». Все отдала бы за то, чтобы стать одной из них. Я свернула на Радищева, рассчитывая так добраться до дома быстрее.

Пробки в нашем сравнительно небольшом городе явление не такое уж и редкое, особенно в час пик. Вот когда начинаешь просто мечтать увидеть на улице представителя семейства ГИБДД, стоящего на месте регулировщика. Привычки постоянно подчиняться правилам дорожного движения у меня нет, но порой так хочется, чтобы их соблюдали остальные.

* * *

Несмотря на то что больше ехать сегодня я никуда не собиралась, машину решила оставить у подъезда. На всякий случай. После того как приму душ и перекушу чего-нибудь, надо будет дозвониться до Инги и попытаться найти через нее Игоря. Если тот занимается коллекционированием всерьез, то обстоятельства не терпят отлагательства, потому как все говорят о каком-то аукционе, и Самохин наверняка не захочет его пропустить.

Ванна вернула мне силы, затраченные сегодня в первой половине дня. Традиционно понедельник считается трудными днями, но меня особенно вымотал вторник. Я прошлепала босыми ногами на кухню, чтобы смолотить кофе и подумать, чем заняться дальше.

Если звонить Инге, не факт, что она не захочет разговаривать с какой-то неизвестной дамой, которая пытается разыскать ее жениха, к тому же на следующий день после смерти отца. Впрочем, попытка не пытка. Я засыпала смолотую арабику в разогретую турку, бросив на дно щепотку пряностей. Черный кофе, даже самый замечательный на свете, может вам надоест, если вы время от времени не будете пить что-то другое. В зависимости от настроения, я добавляю в кофе янтарный мед, когда не хватает энергии, или густых сливок, чтобы окончательно себя побаловать, или, вот как сейчас, какие-нибудь пряности.

С полной кружкой кофе я залезла в кресло с ногами, на которые натянула полосатые носки, и дотянулась до телефона. Набрала номер, который мне дала Гробовская, и услышала длинные гудки. Трубку не брали долго, только после десятого сигнала, наконец, раздался щелчок и женский голос ответил:

– Алло, говорите!

– Добрый вечер, можно услышать Ингу Гробовскую? – на всякий случай спросила я, хотя предполагала, что именно она и сняла трубку.

– Это я. А с кем, простите, разговариваю? – В голосе послышались истерические нотки.

– Меня зовут Татьяна Иванова. Я звоню вам потому, – я сделала паузу, подбирая слова, – что ваш отец порекомендовал обратиться через вас к Игорю Самохину...

– Его сейчас здесь нет, но вы можете позвонить ему. Если хотите, я продиктую номер.

Я обрадовалась. Беспокоить людей в момент семейной трагедии не очень удобно, конечно, но это была единственная возможность найти виновника самой трагедии. Записав номер телефона, я практически получила Самохина на блюдечке с голубой каемочкой и, довольная жизнью, пошла готовить себе бутерброды – одним кофе сыт не будешь. Мозгу нужна пища даже для построения самых элементарных гипотез и предположений. Так что я имела полное право основательно подкрепиться и заодно продумать стратегию.

Инга скорее всего дала мне домашний телефон Игоря. Интересно, почему он не с ней? Это показалось мне странным. Девушка скорбит, а ее будущего мужа, призванного утешать и оберегать, носит неизвестно где. Да уж, забавная семейка.

Разделавшись с остатками сыра, я вновь оккупировала кресло с телефоном на коленках. Судя по номеру, Игорь живет в районе аэропорта, вскользь подумала я.

– Здравствуйте, квартира Самохиных? – осведомилась я у обладателя приятного мужского голоса.

– Да, а кого именно вам нужно? – поинтересовался он в ответ.

– Хотелось бы Игоря услышать, если это, конечно, возможно...

– Вынужден вас разочаровать – его нет. Может быть, я смогу передать ему что-то?

– К сожалению, нет. Дело в том, что Игорь обещал показать мне одну вещь, которая, как он сказал, очень меня заинтересует. Я даже не знаю, о чем именно шла речь. А когда ему можно перезвонить?

– Так вы тоже коллекционер? Понятно. Наверняка это важное для вас дело. Я, вообще-то, врач, и хобби сына меня, надо сказать, мало интересует. Игорь сегодня улетел в Москву, на аукцион. Вы... – Самохин-отец сделал паузу, давая мне возможность представиться.

– Татьяна.

– Очень приятно, я – Александр Петрович. Так вы должны быть в курсе.

– Да, конечно, – вошла я в роль поклонницы старины. – Тогда я позвоню ему после аукциона.

– Обязательно звоните.

Я бросила трубку на аппарат и подскочила.

Все сходилось. Самохин вполне мог знать о стоимости Мары и скорее всего действительно знал. Дальше – подмена, дело нескольких секунд, которые у него были, и наверняка не раз. Если старик-антиквар это заметил или догадался, возник конфликт. Гробовская ведь говорила, что мужчины в день смерти Витольда Модестовича говорили на повышенных тонах. Еще один факт, правда, косвенный, но все же имеющий определенный вес, – отец Игоря врач, следовательно, он мог знать, какая передозировка лекарства нужна человеку с больным сердцем. И последнее – Самохин сегодня улетел в Москву, где состоится аукцион. Там он вполне может попытаться продать подмененную статуэтку Мары.

Времени в обрез. Хорошо, что успела перекусить. Я снова занялась телефоном. Всеми правдами и неправдами нужно дозвониться до аэропорта и заказать билет на ближайший рейс на Москву. До начала аукциона необходимо найти Самохина и устроить досмотр всех его вещей.

Второй пункт – связаться с Кирей. У него уже, наверное, готовы результаты экспертизы, так что эта информация добавит кое-какие подробности и отметит некоторые сомнения. Игорь, конечно, главное прорабатываемое мной звено, но и об остальных забывать нельзя. Еще есть курьер, помощник и неизвестный, черт бы его побрал!

– Киря, какие новости?

– Забавные вещички привезла...

– Знаю, что забавные. Только у меня времени свободного – полторы секунды, так что если можно, говори побыстрее.

Киря надулся и сердито засопел в трубку. Я начала терять терпение, которым и так никогда не отличалась, не то что в момент, когда действовать надо стремительно.

– Киря, просто скажи мне, какие результаты дала экспертиза.

– Четких отпечатков пальцев нет нигде. Ни на ампуле, чему я, честно говоря, немало удивился, ни тем более на осколке. Зато на перчатке есть следы лекарства из ампулы. И смазанный след, судя по всему, мизинца.

– Спасибо, ты настоящий друг. Я сегодня постараюсь улететь в Москву, так что почести и благодарности по возвращении. Договорились?

Кира что-то буркнул в ответ, но мне уже некогда было его слушать. Я начала набирать номер аэропорта. Постоянно занято. Ужас просто! Делать нечего, придется подключать Архипова. В конце концов, я его статуэтку пытаюсь вернуть, а не свою собственную, так что ничего страшного не будет, если билет на самолет бронирует он.

У меня возникло какое-то странное ощущение, будто я срослась с телефонным аппаратом. Прижав трубку к щеке, я просматривала шкаф, выбирая одежду, максимально удобную для поездки.

– Валерий, здравствуйте еще раз. У меня возникли некоторые проблемы – не могу дозвониться до аэропорта, а нужно срочно вылететь в Москву. Не могли бы вы забронировать мне билет на ближайший рейс?

– Что-то непредвиденное? – насколько я могла определять душевное состояние собеседника по голосу – Валерий заволновался. – Это каким-то образом связано со статуэткой?

– Ну, разумеется. Я пока ни в чем не уверена, но есть подозрения, что она может появиться на завтрашнем аукционе в Москве. Поэтому мне хотелось бы предотвратить возможную продажу, если, конечно, таковая будет иметь место.

– Я сейчас же закажу билет. Вам нужно сопровождение?

– Нет, обычно я самостоятельно справляюсь. Если только... Может понадобится совет эксперта в области антиквариата. Я ведь вряд ли смогу отличить подделку от подлинника Мары, при всем своем желании.

Я понадеялась, что Архипов поймет мой прозрачный – наверное, даже слишком прозрачный – намек насчет компании Артема. Сей приятный во всех отношениях господин мог оказаться полезным. Так мне подсказывал мой внутренний голос, к советам которого я временами прислушиваюсь.

– Артемий где-то в городе, но, думаю, что смогу найти его по сотовому, – понял меня Архипов. – И если он не откажется нам помочь, то я закажу два билета. Кстати, для вас имеет значение класс?

– Для меня в данный момент имеет значение время вылета.

Архипов пообещал позвонить, когда закажет билеты и найдет Стрелецкого. Сказав, что меня проще будет найти по сотовому, я начала паковать вещи. В благоприятном для себя исходе этого дела я не сомневалась. Но, наверное, напрасно.

Глава 3

Позвонил сам Стрелецкий. Я почему-то считала, что он не просто захочет составить мне компанию, а буквально возжелает этого. Наверное, у меня на молекулярном уровне закрепилось свойство заставлять людей делать именно то, чего мне бы хотелось. Весьма полезное свойство, ни на что его не променяю.

Покопавшись в шкафу, я похвалила себя, горячо мною же любимую, за умение подбирать одежду на все случаи жизни. Для Москвы я выбрала хороший английский костюм, обладающий уникальным качеством не сминаться ни при каких обстоятельствах. И в пир, и в мир, что называется. Желание всегда превосходно выглядеть еще никому не мешало жить, а мне и подавно. Так что, собрав все необходимое в небольшую кожаную дорожную сумку, я ждала, когда придет такси со Стрелецким.

Перелеты, перемещения, смена обстоятельств удивительно благоприятно действуют на меня. Я даже заметила, что у меня от них улучшается цвет лица. Вот что значат резкие перепады высоты и здоровое сердце.

Звонок в дверь возвестил о том, что пребывание в родном Тарасове продлится уже не долго, и Артем, возникший на пороге, галантно предложил взять у меня сумку. Отказывать ему в этом я не собиралась.

– Добрый вечер, я никак не мог предположить, что мы еще сегодня с вами увидимся.

– Я, признаться, тоже. Почему-то думалось, что только обнаруженная статуэтка сведет нас снова, чтобы вы засвидетельствовали ее подлинность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.